

Содержание

Предисловие	7
<i>Андрей Леонидович Шемякин</i> Сербь в Австро-Венгрии	11
<i>Ольга Владимировна Хаванова</i> Рождение цесаревича Павла Петровича и символическая коммуникация между Санкт-Петербургским и венским дворами	50
<i>Алексей Владимирович Морохин</i> «До зела снедаемая ревнованием и завистию»: протоиерей Андрей Самборский о пребывании в Венгрии великой княгини Александры Павловны	69
<i>Юлия Владимировна Лобачева</i> Сербские женщины в путевых очерках П. А. Ровинского	96
<i>Варвара Борисовна Хлебникова</i> Традиционное сербское общество на стыке эпох. П. А. Ровинский о социальных типах в княжестве в конце 60-х годов XIX века	128
<i>Надежда Сергеевна Пилько</i> Формирование словенского национального самосознания и словенской национальной идеи	145
<i>Никита Сергеевич Гусев</i> Сербия в «Правде о войне на Балканах» Н. И. Гасфельда	162
<i>Алексей Юрьевич Тимофеев</i> Поездка сербского митрополита Димитрия на празднование 300-летия дома Романовых в 1913 г.	174

Наталья Михайловна Куренная

- Солдатские письма Великой войны: К. Чуковский
 «Заговорили молчавшие: Томми Аткинс на войне» (1915)..... 185

Андрей Владиславович Ганин

- «Материал для будущего историка, который займется составлением
 правдивой истории нашего Генерального штаба»: Обзор переписки
 генерал-лейтенанта П. И. Аверьянова о роли офицеров Генерального
 штаба в революции и Гражданской войне 196

Александр Александрович Силкин

- Сербские политические партии и конституционный вопрос
 в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1918–1921)..... 216

Николай Николаевич Станков

- Королевство сербов, хорватов и словенцев в документах советских
 представительств в Праге в первой половине 1920-х гг..... 256

Елена Павловна Серапионова

- Русские о Праге, Чехословакии и чехах (1920–1930-е гг.)..... 292

Сергей Зиновьевич Случ

- Польский аспект во внешней политике СССР в 1939 году
 и некоторые вопросы международного права..... 314

Константин Владимирович Никифоров

- Полупарламентарная парламентская система в Сербии..... 341

Анатолий Семенович Аникеев

- Балканы и Средиземноморье в послевоенной политике СССР.
 1944–1954 гг. 350

Александр Сергеевич Стыкалин

- «Небольшой холодок, имевший место в начале пребывания делегации,
 был позднее рассеян сердечным приемом...»: посещение делегацией
 югославских ученых Советского Союза в момент нового обострения
 отношений СССР и ФНРЮ (май 1958 г.) 372

Георгий Николаевич Энгельгардт

- Милорад Додик — первые контакты с Россией..... 403

Михаил Валерьевич Белов

- Русские и сербы во взаимных представлениях:
 исследовательский диалог А. Л. Шемякина и М. Йовановича 416

- Summary** 428

- Сведения об авторах** 429

Contents

Foreword	7
<i>Andrey L. Shemyakin</i> Serbs in Austria-Hungary	11
<i>Olga V. Khavanova</i> The Birth of Grand Duke Pavel Petrovich and symbolic communication between the St. Petersburg and Vienna courts.....	50
<i>Alexey V. Morokhin</i> Archpriest Andrei Samborsky on the stay in Hungary of Grand Duchess Alexandra Pavlovna	69
<i>Yulia V. Lobacheva</i> Serbian women in the travel notes of Pavel Rovinsky	96
<i>Varvara B. Khlebnikova</i> Traditional Serbian society in an era of change. Pavel Rovinsky on social types in the Principality in the late 1860s.	128
<i>Nadezhda S. Pilko</i> The Slovenian national idea and the making of Slovenian national identity.....	145
<i>Nikita S. Gusev</i> Serbia in “The truth about the war in the Balkans” by Nikolai Gasfeld	162
<i>Alexey Yu. Timofeyev</i> The visit of the Serbian Metropolitan Demetrius to the celebration of the tricentennial anniversary of the House of Romanov in 1913.....	174
<i>Natalia M. Kurennaya</i> Soldiers’ letters from the Great War: Kornei Chukovsky’s “The silent ones spoke...Tommy Atkins in the war” (1915).....	185

<i>Andrey V. Ganin</i>	
“Materials for a future historian who would write a true history of our General Staff”. The review of Lieutenant General Petr Averyanov’s correspondence on the role of the General Staff officers in the Revolution and Civil War	196
<i>Alexander A. Silkin</i>	
Serbian political parties and the constitutional issue in the Kingdom of the Serbs, Croats and Slovenes (1918–1921)	216
<i>Nikolai N. Stankov</i>	
The Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes in the documents of the Soviet missions in Prague in the first half of the 1920s	256
<i>Elena P. Serapionova</i>	
Russians on Prague, Czechoslovakia and the Czechs (in the 1920s and 1930s)	292
<i>Sergei Z. Sluch</i>	
The Polish aspect of Soviet foreign policy in 1939 and some problems with international law	314
<i>Konstantin V. Nikiforov</i>	
The one-and-a-half-party parliamentary system in Serbia	341
<i>Anatolii S. Anikeev</i>	
The Balkans and Mediterranean in the post-war politics of the USSR, 1944–1954	350
<i>Alexander S. Stykalin</i>	
“The coolness we first experienced was soon dispelled by the cordial welcome...”. The visit of the delegation of Yugoslavian academicians to the USSR in the middle of a new conflict escalation between the USSR and Tito’s Yugoslavia (May 1958)	372
<i>Georgi N. Engelhardt</i>	
Milorad Dodik’s first contacts with Russia	403
<i>Mikhail V. Belov</i>	
Russians, Serbs, and their mutual perceptions: an academic dialogue between Andrey Shemyakin and Miroslav Jovanović	416
Summary	428
Сведения об авторах	429

Предисловие

Книга представляет собой печатный результат конференции, состоявшейся в марте 2019 г. и посвященной памяти Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). Памяти нашего друга, учителя, коллеги...

Жанр мемориального очерка подразумевает приведение статистики, позволяющей оценить продуктивность ученого. Андрей Леонидович за годы работы в Институте славяноведения РАН (с 1989 г.) опубликовал около двухсот работ. Это в принципе много или мало? Перефразируя известный анекдот про С. М. Буденного, — это смотря какая работа.

В случае с Шемякиным имеется более объективный критерий, который позволяет определить его научный вес и который едва ли кому-либо удастся поставить под сомнение. А именно: со второй половины 1990-х гг. он представлял собой лицо отечественной сербистики. В России и не только. Немногие из современных коллег-балканистов могут похвастать столь значимой ролью, которую Шемякин играл в научной жизни «страны изучения». Роль эта подразумевала беспрецедентное знание историографии и источников — российских и сербских, блестящее владение сербским языком, устным и письменным, на котором выходили многочисленные работы — монографии, статьи, сборники документов. Другими словами, с точки зрения научной эрудиции, глубины осмысления исторического прошлого и убедительности аргументации он был наголову выше всех, кто занимался тем же периодом и схожей тематикой. Однако большое видится на расстоянии, поэтому будущие поколения славистов, наверное, более трезво оценят научный вклад А. Л. Шемякина.

Что касается совокупности написанного им, то оно посвящено нескольким широким проблемам: государственно-политическому и социокультурному развитию Сербии и Балкан в последней четверти XIX в. — начале XX в.; официально-дипломатическому и общественному аспектам русско-сербских отношений того же времени; роли Сербии в Первой мировой войне; взаимоотношениям сербов с остальными югославянскими народами и процессу образования Югославии.

Центральное место в шемякинской библиографии занимает Никола Пашич, которому посвящены две монографии: «Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875–1883)» (М., 1993) и «Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891)» (М., 1998). Отношение Андрея Ленидовича к своему главному герою эталонно, с точки зрения научного подхода к историческим личностям. Сами по себе их биографии и индивидуальные качества очень редко могут считаться проблемой, заслуживающей монографического исследования. Понимая это, А. Л. Шемякин преподносит лидера радикалов, прежде всего, как человека своего времени и окружения, как воплощение определенных черт и устремлений сербского народа. Показательно, что в приведенном заголовке книги имя Николы Пашича фигурирует не в именительном, а в родительном падеже, то есть в связи с его идеологией. Та, по словам автора, «не просто мировоззрение отдельно взятого политика», а «индикатор целой общественной тенденции». Или, другими словами, «реакция сербского аграрного общества на вызов эпохи»¹.

Развитию сербского социума в 1878–1914 гг., рассматриваемому в разных аспектах и в сопоставлении с аналогичными процессами в соседних странах, посвящены наиболее значимые из многочисленных статей Андрея Ленидовича — те, что вышли в рамках проекта, у которого мы позаимствовали название. Семь сборников статей и одна коллективная монография, объединенные заголовком «Человек на Балканах», стали плодом сотрудничества с Риттой Петровной Гришиной (1930–2015), с которой А. Л. Шемякина объединяло понимание, что «политическое поведение» балканских народов

¹ Шемякин А. Л. Идеология Николы Пашича. Формирование и эволюция (1868–1891). М., 1998. С. 12.

обусловлено их социо-этнокультурными особенностями. Без изучения оных нельзя объяснить логику и результаты пути, пройденного сербами, черногорцами и болгарами после обретения независимости.

За время проекта (2002–2016) вокруг его инициаторов сложилась большая группа исследователей-единомышленников, заинтересованных в «изучении особенностей модернизационных процессов в балканских странах»; выявлении «характерных проявлений ментальности “балканского человека”», а также «исследовании специфики формирования в регионе гражданских обществ, способов их взаимодействия с государственной властью»². Решение перечисленных задач достигалось, по словам А. Л. Шемякина, посредством «нового для традиционного позитивистского дискурса инструментария», а именно — путем «привлечения данных из смежных с историей наук: этнологии, демографии, социологии, культурологии, имагологии»³.

В последнем, восьмом выпуске серии, вышедшем после смерти Риты Петровны, ее «напарник» пишет о научном значении «Человека на Балканах», которое видится ему в «ломке застаревших стереотипов (особо характерных для историографий ряда балканских стран)» и «освобождении от сковывавших мысль умозрительных представлений». Главное же, по словам А. Л. Шемякина, что завершившийся проект «дает импульс к переосмыслению мифологических обществоведческих построений — утверждает примат разума и научного анализа перед фантазией и эмоциональным отношением к истории»⁴. Мы же полагаем, что всё перечисленное лучшим образом описывает и личный вклад, и одновременно мотивацию самого Андрея Леонидовича как ученого.

Многие из тех, с кем он сотрудничал в рамках проекта, приняли участие в прошлогодней конференции и в настоящем сборнике. Поэтому мы недолго думали над его названием. «Присвоив» название, мы не претендуем на концептуальную стройность шемякинских/гришинских конференций и сборников. Другими словами, нет одной,

² Шемякин А. Л. Post Scriptum // Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1921 гг. Коллективная монография. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 395, 400.

³ Там же. С. 394.

⁴ Там же. С. 402.

хоть и широкой, темы или методологического подхода, которые объединяли бы представленные тексты. Полагаем, что в нашем случае достаточно того, что редколлегия и авторы разделяют научное кредо, которому были привержены «родители» «Человека на Балканах». Кроме того, Шемякин по-прежнему с нами. Он участвует в сборнике своим обширным очерком, который впервые публикуется в полном объеме⁵.

Редколлегия

⁵ Статья в сокращенном варианте опубликована в главах 3–5 коллективной монографии «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. Очерки» / Ващенко М. С., Величко О. И., Дронов М. Ю., Ждановская А. А., Кирилина Л. А., Клопова М. Э., Новосельцева Л. К., Пахомова Л. Ю., Попов К. А., Романенко С. А., Стыкалин А. С., Хаванова О. В., Шемякин А. Л.; Под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018.

Андрей Леонидович Шемякин

Сербы в Австро-Венгрии¹

В результате глубокой национально-административной трансформации, которой в 1867 г. подверглась унитарная Австрийская империя, превратившись в дуалистическую Австро-Венгрию, и подписания год спустя венгеро-хорватского Соглашения («Нагодбы»), предоставившего Загребу ограниченную автономию в рамках королевства св. Стефана, «пречанские» сербы стали фактически «разделенным народом». Теперь они проживали в четырех областях, имевших различный государственно-юридический статус: в Королевстве Хорватия и Славония; бывшей Сербской Воеводине, т.е. трех южных комитатах Венгрии — Бачке, Баранье и Банате (Транслейтания); на Далматинском побережье (Цислейтания); а также в Военной границе — особом регионе, до 1881 г.² управлявшемся напрямую из Вены. Соответственно, и в политическом смысле сербы Австро-Венгрии не были интегрированы. На территории империи было столько же сербских политических партий, сколько и областей, в которых они проживали³.

¹ Статья в сокращенном варианте опубликована в главах 3–5 коллективной монографии «Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914. Очерки» / Ващенко М. С., Величко О. И., Дронов М. Ю., Ждановская А. А., Кирилина Л. А., Клопова М. Э., Новосельцева Л. К., Пахомова Л. Ю., Попов К. А., Романенко С. А., Стыкалин А. С., Хаванова О. В., Шемякин А. Л.; Под ред. Л. А. Кирилиной, А. С. Стыкалина, О. В. Хавановой (отв. ред.). М.: Индрик, 2018.

² В 1881 г. демилитаризованная Военная граница с преимущественно сербским населением вошла в состав Гражданской (Банской) Хорватии.

³ *Кузьмичева Л. В.* Национально-политические проблемы сербов Воеводины в Австро-Венгрии после 1867 г. // Австро-Венгрия: интеграционные процессы

Как видим, значительная часть сербского народа «по ту сторону Савы и Дуная» оказалась в венгерской части реформированной монархии Габсбургов — Транслейтании, превратившейся после 1867 г. в национальное государство венгров, поскольку Будапешт по новым правилам получал возможность независимо от Вены решать все проблемы своего внутреннего устройства, управления, законодательства и судопроизводства.

А потому центральным в политической повестке отныне становился не вопрос о правах личности, — все жители Австро-Венгрии уже «сравнились» перед судом и законом, — но о положении и правах национальных групп. Ведь в «современном» (modern) национальном государстве любому, кто (коллективно или индивидуально) состоял вне титульной нации, предстояло «расплавиться» в едином тигле правящего «политического народа». А, между тем, непосредственные соседи венгров, многие из которых лишь недавно пережили эпоху национального «пробуждения» и возрождения, прочно осознав свою идентичность в пестром этническом море империи, совсем не желали для себя подобной участи. В первую очередь, сербы — с их наследием XVIII в., опытом революции 1848–1849 гг., численностью — отнюдь не являлись подходящим материалом для ассимиляции. Не только культурно-политические элиты, но и широкие массы четко фиксировали (иногда преувеличивая) эту возможную угрозу и боролись с ней, как могли, на протяжении всего периода дуализма⁴.

1. Бывшая Воеводина

После подписания Соглашения 1867 г. сербы ликвидированной Воеводины остались в составе Венгерского королевства, лишённые административной автономии и права политического представительства. Лишь на нерегулярных народно-церковных соборах, уже не носивших былого политического характера, они могли выбирать своих общественных представителей, которые занимались исключительно религиозно-образовательными вопросами.

С введением системы дуализма положение нетитульных этносов венгерской части Дунайской монархии заметно ухудшилось.

и национальная специфика. М., 1997. С. 94.

⁴ *Ђирковић С.* Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 231.

Несмотря на то, что формально закон о равноправии национальностей 1868 г. гарантировал всем применение родного языка в школах, церкви и сфере местного управления, им признавался только один политический народ — венгерский. И после того, как в 1875 г. премьер-министром Венгрии стал граф Кальман Тиса, занимавший этот пост в течение 15 лет, мадьяризация невенгерского («непривилегированного») населения стала главным направлением деятельности ее политической элиты⁵.

Законами, принятыми венгерским Государственным собранием в 1868 г., были определены жесткие границы политико-правового поля Транслейтании, за которые функционирующие в нем сербы не смели не то чтобы выйти с предложением об обновлении Сербской Воеводины, но даже заикнуться о ней вслух. Повестка дня сербских народно-церковных соборов отныне законодательно исключала постановку вопроса о любом облике территориальной автономии, будучи сведена к религиозно-просветительным делам. В новых условиях деятельность всех культурно-политических институтов замышлялась в Будапеште так, чтобы они ни коим образом не могли воспрепятствовать реализации великомадьярской государственной идеи, каковая в перспективе подразумевала дальнейшее сужение сербской церковно-школьной автономии и постепенную ассимиляцию всех немадьяр. Поэтому идея автономной Воеводины, популярная у сербов-пречан еще с конца XVII в., и стала трактоваться венгерскими властями как откровенно враждебная, противостоящая единству Венгрии, а всякая попытка представить ее в качестве демократического стремления к национальному равноправию объявлялась деструктивной, противной духу времени и дуалистическому характеру нового государства⁶...

Столкнувшись с «новым курсом» венгерских властей в отношении сербского населения Транслейтании, его представители отнеслись к дуализации монархии Габсбургов по-разному. Так, консервативно-клерикальные круги, предводимые Джордже Стратимировичем, которые до 1867 г. связывали развитие венгерских сербов исключительно с имперским правительством и Двором, выступая

⁵ Шимов Я. Австро-Венгерская империя. М., 2003. С. 330.

⁶ Микавица Д. Михаило Полит-Десанчић. Вођа српских либерала у Аустро-Угарској. Нови Сад, 2007. С. 173.

за переустройство Австрии на основах федерализма, в чем имели поддержку чешских и хорватских союзников, с провозглашением дуализма стали его сторонниками. Не желая терять былых позиций в сербском сообществе, но сознавая собственную слабость в условиях все усиливающегося противодействия либерально-гражданского слоя, и лишившись к тому же покровительства Вены, группа Стратимировича пошла на сближение с Пештом, становясь (чем дальше — тем больше) его послушным орудием⁷.

С другой стороны, активную деятельность развернули сербские либералы во главе со Светозаром Милетичем. В 1860-е годы они наладили связи с представителями венгерского либерального дворянства, а также сторонниками присоединения Далмации к Хорватии и Славонии в Загребе, и в 1866 г. сгруппировались вокруг основанной Милетичем в Будапеште газеты «Застава». С 1867 г. это самое популярное в Венгрии периодическое издание на кириллице выходило в Нови-Саде.

Поначалу Милетич и его сторонники были в принципе не против разделения Австрийской империи «надвое», полагая, однако, неприемлемой ту опцию, в рамках которой немцы и мадьяры оказались бы полновластными «хозяевами жизни» в своих частях страны. В стремлении обеспечить равноправие всех народов империи Милетич предлагал после введения дуализма установить в обеих ее частях федеративную систему с автономными правами для всех этнических меньшинств. И, в частности, в случае с сербами он настаивал на формировании в районах их численного преобладания отдельных жупаний, в которых его соотечественники получали бы административную автономию с соответствующей гарантией своих национальных прав; впрочем, и другим народам, проживавшим в них чересполосно с сербским населением, было бы обеспечено полное национальное и гражданское равноправие. Иными словами, Милетич открыто требовал территориально-политического обеспечения национальных интересов сербов в Венгрии, считая, что те не могут довольствоваться провозглашением одного лишь гражданского равенства, но что им должно быть обеспечено и признание коллективной идентичности, — при всем уважении государственно-политической супериорности

⁷ *Крестмић В.* Срби у Угарској. 1790–1918. Нови Сад, 2013. С. 278.

венгров. «Мы одновременно и сербы, и граждане», — любил повторять он⁸.

Когда же Милетичу не удалось добиться реализации своих целей, а швабы с мадьярами, поделив власть в империи, стали господствовать в Цислейтании и Транслейтании, чем низвели другие народы до положения неравноправных, ему не оставалось ничего другого, как вступить с Веной и Будапештом в бескомпромиссную борьбу, используя в том числе и трибуну венгерского Государственного собрания, депутатом которого он регулярно избирался. Тем более что и бывшие союзники — представители среднего венгерского дворянства — в борьбе за власть в Королевстве св. Стефана все более поворачивались к своим «нетитульным» соседям спиной, переходя на столь хорошо знакомые сербам рельсы откровенного шовинизма.

Эта активно-оппозиционная позиция вождя либералов пользовалась массовой поддержкой сербского сообщества Венгрии, в отличие от консерваторов и клерикалов, которые в своей соглашательской политике оказались изолированными от народа и его чаяний. Наблюдая за политическими «кульбитами» как бывших сербских федералистов во главе со Стратимировичем, так и прежних дуалистов Милетича, известный журналист и писатель, принадлежавший к консервативному лагерю, Эмиль Чакра записал: «Те, кто был федералистами, стали дуалистами; бывшие же дуалисты превратились в федералистов»⁹.

* * *

Основание «Заставы» положило начало консолидации ядра будущей либеральной партии пречанских сербов. Когда же мадьяры по Соглашению 1867 г. с Веной стали единственной господствующей силой на своей половине государства, а Закон о равноправии национальностей и положения Закона о сербской народно-церковной автономии (оба — 1868 г.) наглядно продемонстрировали, в каком направлении будет эволюционировать политика Пешта, сербы четко осознали, что, если они хотят обеспечить свою национально-политическую «особенность» в составе Венгерского королевства, подвергавшуюся явной опасности, то промедление в деле их политической самоорганизации «смерти подобно». В начале января 1869 г.

⁸ Там же. С. 284.

⁹ Там же. С. 279.

Светозар Милетич напечатал в «Заставе» статью «Основы программы сербской либерально-оппозиционной партии». А уже 28 января, т. е. спустя всего несколько недель, на конференции в Великом Бечкереке (ныне — город Зренянин в сербском Банате) было объявлено о конституировании Сербской народной свободолобивой партии (СНСП), принявшей текст Милетича в качестве своей программы, вошедшей в историю под названием «Бечкерекской».

Важно отметить, что занятые в основном проблемами (меж)национальных отношений, создатели Бечкерекской программы практически все свое внимание уделили защите национально-политической идентичности сербского и других немадьярских народов Транслейтании. Тем самым они сознательно задвинули на маргину социально-экономические вопросы, полагая, что их актуализация может только ослабить единство венгерских сербов.

Программа базировалась на трех основных посылах (наряду со «стандартными» пожеланиями гарантий универсальных буржуазно-демократических свобод). Во-первых, она демонстрировала жесткую оппозиционность в отношении как мадьяро-хорватской «Нагодбы» 1868 г., так и дуалистической системы в целом; ибо, с одной стороны, в ней признавалась только персональная уния между Веной и Будапештом, при отрицании введенных австро-венгерским Соглашением 1867 г. совместных институций (Делегаций и общих министерств), а с другой — поддерживались требования «хорватско-сербского народа» о полной автономии «Триединого королевства» в составе Транслейтании. Во-вторых, декларировала необходимость признания коллективных национально-политических прав за всеми немадьярскими народами Венгрии, введения административной автономии в местах их компактного проживания на уровне жупаний; обеспечения языкового плюрализма — т. е. разрешения использовать языки нацменьшинств в общинах и жупаниях, где те имеют большинство (в том числе для общения с государственной властью), в школе и высшей школе, а также в войсках — в зависимости от того, какой этнический элемент наиболее массово представлен в каждом батальоне. И, в-третьих, выступала против австро-венгерского (и вообще европейского) вмешательства в дела Балканского полуострова — особенно в борьбу христианских народов Османской империи за свободу; в случае же антитурецкой войны документ призывал «сербов монархии прийти на помощь своим кровным братьям на основании

договора наших предков, оставлявших за собой право содействовать освобождению своей старой Родины»¹⁰.

Бечкерекская программа получила единогласное одобрение делегатов конференции, на которой был сформирован и Центральный комитет СНСП, куда вошли Светозар Милетич, Йован Суботич, Михайло Полит-Десанчич, Миша Димитриевич, Лаза Костич и другие видные участники либерального движения. Добавим, что новой организации вскоре удалось заручиться поддержкой большинства сербского сообщества Венгрии — крестьянства, купечества, ремесленников, интеллигенции; таким образом, по широте своей социальной базы она более походила на народное движение, чем на политическую партию в узко-классическом смысле.

В ответ на принятие Бечкерекской программы и противники либерального направления, предводимые тем же Джордже Стратимировичем, предприняли попытку соорганизоваться. Так, в октябре 1869 г., используя финансовую помощь патриарха Карловацкого Самуила Маширевича и венгерского премьера графа Дьюлы Андраши, он основал в Нови-Саде лояльный мадьярским властям консервативно-клерикальный печатный орган «Српски народ». По оценке академика Василие Крестича, люди, которых Стратимирович привлек к выпуску газеты, «являлись обычными слугами сначала австрийского, а затем (после 1867 г. — *А.Ш.*) венгерского правительств, далеки от всякой мысли сотворить нечто такое, что могло бы привести их к конфликту со своими спонсорами»¹¹. И действительно, из-за поистине «коллорационистской» политики, злые языки в среде сербов прозвали издание Стратимировича «Турецким народом»...

Уже вскоре после своего основания СНСП достигла немалых результатов — ее делегаты заседали в венгерском Государственном собрании в Будапеште, хорватском Саборе в Загребе, сербских народно-церковных соборах в Сремских Карловцах, где постепенно перехватывали инициативу у представителей клерикал-консерваторов: так, например, на соборе 1869 г. либералы потребовали, чтобы на нем председательствовал один из избранных участников, а не патриарх, как это обычно бывало. Партия развернула борьбу и против

¹⁰ *Крестич В., Љушић Р.* Програми и статуту српских политичких странака до 1918. године. Београд, 1991. С. 33–38.

¹¹ *Крестич В.* Срби у Угарској... С. 297.

консервативных властей Белграда. Вокруг «Заставы» группировалась не только сербская либеральная элита Транслейтании, но и оппозиция из Сербского княжества и болгарских земель. «Австрийские славяне как люди более образованные и некоторые княжеские сербы, добровольно удалившиеся в Австрию, — докладывал русский очевидец в Петербург, — ведут с сербским правительством ожесточенную журнальную войну»¹². Нови-Сад, таким образом, становился «глазом» всех недовольных в Венгрии и по соседству, и начало репрессий центра против них (нередко с молчаливого согласия, а то и по инициативе, Белграда) было вопросом времени.

И точно, после того, как Милетич, не выбирая выражений, обрушился в «Заставе» на хорватского бана Левина Рауха за отмену официального статуса кириллицы в Среме, государственный прокурор обвинил его в клевете на власть, а суд приговорил к году тюремного заключения. В 1870–1871 г. он содержался в «изоляторе» города Вац. Однако, «мученический» ореол вождя лишь усилил позиции его партии в сербском сообществе, и на Карловацком соборе 1872 г. она уже имела абсолютное большинство делегатов.

На этом пике популярности СНСП Джордже Стратимирович (опасаясь за окончательную деградацию своей политической линии) вновь попытался идейно и организационно дисциплинировать собственных сторонников. В конце 1872 г. он озвучил намерение «образовать умеренную, но либеральную и независимую партию», считая необходимым «оградиться как от опасного радикализма, так и от безусловного сотрудничества с центральным правительством»¹³. Дабы успешно реализовать свой план, Стратимирович покинул скомпрометировавший себя в глазах соотечественников «Српски народ» и объявил о скором выходе газеты «Српска политика». Параллельно он опубликовал политическую программу нового издания и одновременно будущей партии.

По сравнению с Бечкерекской программа Стратимировича носила куда более «скромный» характер. Так, австро-венгерское Соглашение 1867 г. и Закон о равноправии национальностей 1868 г., против которых со всей решительностью выступала СНСП, с одной

¹² Н. А. Снесарев — Д. А. Милотину. Белград, 20 декабря 1867 г. // Русские о Сербии и сербах. М., 2014. Т. II (архивные свидетельства) / Сост. А. Л. Шемякин. С. 46.

¹³ *Krestić V., Ljušić P.* Програми и статути... С. 68.

стороны, провозглашались как не отвечающие интересам сербского народа, но, с другой — принимались как свершившийся факт при условии их исправления и дополнения. И в положении о Восточном вопросе и его возможном решении нет той решимости к действию, чем отличалась Бечкерекская программа, хотя в нем и содержались пожелание освобождения христиан из-под власти полумесяца и даже обещание принятия «серьезных мер» по реализации «сербских традиций на Востоке, с целью объединения сербско-турецких областей». Кроме того, программа Стратимировича признавала территориальную целостность Королевства св. Стефана и все обязанности, которые законодательно возлагались на сербов как его граждан. В ответ она требовала обеспечения им всех прав, причем не только гражданских, но и национально-политических, а также неограниченной автономии в сфере церкви и школы.

Вместе с тем, несмотря на то, что в новопринятом Законе о коммунальных школах¹⁴ Стратимирович видел крайне опасное средство для ограничения автономии сербских народных школ и, соответственно, немалое препятствие к дальнейшему росту сербского национального сознания, он не призывал к *борьбе* против него, а лишь обещал печатно «действовать так, чтобы вытеснить из наших школ вредное влияние этого закона». Да и вообще, в этом умеренном и совсем не конфронтационном, а'la Бечкерек, документе, составленном в четко выверенных и взвешенных выражениях, явно виделось стремление создать партию и ее орган, которые смогли бы «умиротворить» сербское национальное движение, свернуть его с чреватого «проблемами» пути радикально-оппозиционного противостояния. Само понятие «борьба» автор программы упомянул лишь однажды, говоря о необходимости *бороться* за сохранение церковной автономии и ее достоинства, независимо от того, с какой стороны на них последуют

¹⁴ В 1868 г. Государственным собранием в Будапеште был принят закон о коммунальных (муниципальных и государственных) начальных школах, реализация которого должна была резко уменьшить число и снизить влияние сербских конфессиональных школ, находившихся в ведении Сербского народно-церковного собора. Поскольку в сербских конфессиональных школах язык преподавания был сербский, а образовательные программы не расходились с национальными и религиозными интересами сербского сообщества, то в новых коммунальных школах вводился венгерский язык преподавания, а программы выдерживались в венгерском же государственном духе. Соответственно, и цель принятия закона очевидна — воспитание сербских детей («с молодых ногтей») в венгерских традициях и постепенная их мадьяризация.

нападки». Во всех других случаях он использовал вполне нейтральные категории: «Мы будем настаивать всеми законными способами», или «мы будем стремиться», или «мы будем серьезно и с воодушевлением работать»¹⁵.

И все же, несмотря на свой явно «примирительный» характер, для истории политической мысли венгерских сербов программа 1872 г. представляется весьма значимой, поскольку в ней обнаруживаются зачатки будущей политики так называемых нотабилитетов, духовным отцом которой, как оказалось, и стал Джордже Стратимирович. Его национально-политические идеи, сформулированные в программе, оставались (когда — больше, когда — меньше) актуальными в общественной жизни сербского сообщества вплоть до начала Первой мировой войны. Особенно их актуальность возросла после отмены особого статуса Военной границы, в результате чего сербы, лишившись десятков тысяч хорошо вооруженных и обученных (при этом национально сознательных) соплеменников-граничар, на которых они всегда могли опереться, потеряли значение *военно-политического* фактора империи, кем являлись все время существования Границы. Еще большее значение идеи Стратимировича приобрели после Берлинского конгресса 1878 г. и его решений, когда стало окончательно ясно, что сербы Венгрии не имеют достаточных сил и условий для выполнения Бечкерекской программы, особенно в той ее части, что касалась Восточного вопроса.

Однако, несмотря на все свое немалое значение для идейной истории и теории, на практике «манифест» Стратимировича не получил широкой поддержки в сербском сообществе. Следствием чего стало то, что сербская «умеренно-либеральная» партия так и не появилась, равно как и ее печатный орган, о скором выходе которого столь много говорилось еще совсем недавно¹⁶...

Подведем промежуточный итог: либерально-гражданское движение возникло в сербской среде как альтернатива консервативной церковной иерархии. Его политическая организация — СНСП — активно боролась за голоса избирателей в немногочисленном электоральном поле (всего 2% населения допускалось к голосованию) и в

¹⁵ *Крестућ В., Љушић Р.* Програми и статуту... С. 65–68.

¹⁶ *Крестућ В.* О Ђорђу Стратимировићу и његовом политичком програму из 1872. године // Зборник Матице Српске за историју. Нови Сад, 1978. Бр. 18. С. 48–49.

лучшие годы имела по три-четыре депутата в Государственном собрании. Невзирая на малочисленность, они, особенно в бытность их лидером решительного Светозара Милетича (вспомним хотя бы его символический кулак на памятнике работы Ивана Мештровича в центре Нови-Сада!), оставляли заметный след в работе каждой сессии парламента, в отличие от иных сербских депутатов, избираемых от венгерских партий и лояльных Будапешту. В верхней палате Госсобрания заседали Карловацкий патриарх и восемь епископов, столь же, как правило, конформистски настроенные в отношении центральных властей.

Этот всплеск либерального движения в среде венгерских сербов в последней трети XIX в. был явно не случайным. Он опирался на выросший в ней мощный слой средних землевладельцев и относительно высокую для той эпохи степень урбанизации сербского населения (так, в 1900 г. в городах проживали 17,5% ононого, а десять лет спустя — на процент больше). Если к тому присовокупить уровень грамотности, характерный для соплеменников с «европейского» и «турецкого» берегов Савы и Дуная, и, что самое главное, — зияющий в нем разрыв¹⁷, то станет совершенно ясно, почему такой пронизательный наблюдатель, как, например, Л. Д. Троцкий, в начале XX в. подчеркивал: «Политические партии в Сербии представляют собой не органические образования, а “искусственные сообщества, заимствовавшие свои наименования из европейской политической терминологии”»¹⁸ (цитата внутри его высказывания есть фраза из работы великого сербского — из Белграда — ученого и политика Стояна Новаковича¹⁹). И еще: «Для претворения политических формул либерализма в действительность в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры»²⁰, т. е. тех базовых объективных предпосылок (что в объеме «среднеевропейского» набора уже имелись

¹⁷ Для пушей наглядности сравним степень женской неграмотности в «австрийской» и «турецкой» Сербии в начале XX в. Если на севере были неграмотны 41, 66% женщин (*Ђирковић С.* Срби међу европским народима. Београд, 2004. С. 239), то на юге всего 9% могли написать свою имя и фамилию (*Зундхаузен Х.* Историја Србије од 19. до 21. века. Београд, 2009. С. 188).

¹⁸ *Троцкий Л. Д.* Стоян Новакович // *Он же.* Перед историческим рубежом. Балканы и Балканская война. СПб., 2011. С. 66.

¹⁹ *Новаковић С.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883–1903. Београд, 1912. С. 80–81.

²⁰ *Троцкий Л. Д.* Стоян Новакович... С. 62.

у сербов-пречан!), без которых партийное строительство, т. е. «использование готовых европейских форм» превращалось в *имитацию* или «политический и идейный маскарад», столь привычный для «запоздалых народов»²¹.

Между собой сербские партии Венгрии, как правило, сталкивались на выборах членов Соборного совета и иных органов церковно-школьной автономии — именно через них осуществлялось управление церковным имуществом и распределение средств из многочисленных фондов и задужбин. И случалось, что дело доходило до серьезных склок между политиками и церковной иерархией, которая ощущала опасность от вмешательства «чуждых» сил в свои, казалось бы, «незыблемые» прерогативы. Всё усиливавшееся влияние мирян, совсем по протестантскому образцу (начиная с 1871 г. на 25 духовных лиц при выборах на собор приходилось 50 мирян²²), было явно не в традициях православной церкви. А между тем, партии начали вмешиваться даже в выборы патриарха; впрочем, тем же самым занималась и государственная власть, требовавшая от кандидата знание венгерского языка (как на выборах 1907 г.). Деятельность церковных иерархов оценивалась теперь по партийно-политическим критериям, так что сербские патриархи конца XIX — начала XX в., особенно Герман Анджелич (1881–1888) и Георгие Бранкович (1890–1907), несмотря на все их заслуги в развитии церковной жизни, нередко клеймились «общественностью» как слуги режима. Самым тяжким последствием такого межсербского «клинча» стало отстранение органов церковно-школьной автономии от выполнения своих функций в 1912 г.²³... Но вернемся назад, к моменту появления первых трещин в едином до тех пор сербском либеральном «монолите».

* * *

Отправным пунктом длившейся целое десятилетие и закончившейся расколом СНСП «распри» стал 1873 год, когда Светозар Милетич открыто обвинил в «Заставе» своего коллегу по фракции в венгерском Государственном собрании Нико Максимовича

²¹ Там же. С. 63.

²² *Филлимонова А. И.* Хорватские земли и Воеводина // Югославия в XX веке. Очерки политической истории. М., 2011. С. 114.

²³ *Ђирковић С.* Срби међу европским народима... С. 237–238.

в полной парламентской пассивности. И это на фоне начавшейся властью годом раньше, в лице королевского комиссара Ласло Майтени, очередной кампании против сербских институций — церковных общин, Новисадской гимназии и Матицы сербской. В такое время, по мнению Милетича, как никогда были необходимы единодушие и стойкость всех сербских учреждений и политиков, в первую очередь, заседавших в парламенте, хотя бы потому, что они защищены иммунитетом, в отличие, скажем, от общин или церковных иерархов, подвергавшихся давлению сверху и потому часто вынужденных помалкивать. Политически крайне амбициозный Н. Максимович изначально не был согласен с Бечкерекской программой СНСП, однако в условиях, когда влияние партии в сербском сообществе, как и личный авторитет Милетича, находились в зените, он не желал выступать против них открыто, опасаясь, что это может привести к закату его политической карьеры. Вот и давал он Милетичу понять о своем нежелании следовать его политике упорным молчанием в венгерском парламенте.

С другой стороны, отказываясь высказаться прямо, «диссидент» в своем стремлении подорвать незыблемые позиции вождя начал плести интриги против него внутри самой СНСП. В партийных кулуарах он постоянно доказывал, что Милетич — «единственная причина всех зол и несчастий, которые мы претерпели от властей». Признавая его заслугу в том, что он когда-то сформулировал Бечкерекскую программу, Максимович тут же отыгрывал назад: «Впрочем, никакая это не заслуга — создать программу», ее ведь надобно еще и реализовать. Повторяя, что в любой момент готов выдвинуть платформу, «которая в наибольшей степени отвечала бы интересам нашего народа», Максимович упрекал Милетича в том, что тот «своей негибкой политикой уже загубил Нови-Сад», что скоро так же загубит и Панчево; и только Сомбор (откуда Максимович избирался депутатом) идет вперед, благодаря более умной тактике, какую используют он и его друзья²⁴.

Как только Милетич узнал о тайных нападках своего *partiegenosse*, он снова осудил его в «Заставе»: «Отказываясь от открытой дискуссии, но тайными интригами и хулой, возводимой на меня, Максимович “созидает” какую-то никому не ведомую, *более умную* тактику».

²⁴ *Крестич В.* Срби у Угарској... С. 330–333.

Группа близких соратников Милетича из Нови-Сада возжелала обуздать «подрывную» деятельность Максимовича, чем оградить партию и вождя от клеветы. В июле 1873 г. от имени СНСП Михайло Полит-Десанчич обратился к Йовану Вуичу — председателю выборного комитета в Сомборе — с письмом, где предложил местным избирателям-сербам спросить Максимовича: «Почему как депутат Госсобрания он никак не защищал сербские интересы? Почему не приходил на собрания парламентской группы? Разделяет ли он еще Бечкерекскую программу? В чем он не согласен с Милетичем, и какова его собственная позиция?». В конце послания констатировалось: «В теперешнем положении Максимович оставаться не может. Он должен либо признать, что поддерживает нынешнюю партийную программу, либо предложить свою, из которой стало бы ясно, чего он в самом деле хочет. Нельзя, состоя в партии, самым неподобающим образом подрывать ее единство»²⁵.

Однако, сербская либеральная общественность Сомбора так ничего и не узнала о склоках Максимовича с Милетичем, ибо письмо Полит-Десанчича Вуичу в итоге оказалось в руках того, против кого и писалось. Весьма уязвленный им Максимович не считал нужным выносить его текст на всеобщее обозрение и публично выяснять отношения с Милетичем. Он по-прежнему продолжал интриговать, будто ничего не произошло, но в глубине души жребий был брошен, мосты сожжены — бывшее политическое несогласие с оппонентом переросло во всеохватную неприязнь, в желание физически уничтожить, одним из последствий чего стал даже вызов на дуэль.

Нам не известно, состоялась ли она, но уже сам факт вызова показывает всю степень «напряженности» отношений внутри СНСП, возникшей в 1873 г. и напрямую связанной как с позднейшими столкновениями Милетича и Максимовича, так и с расколом партии, случившемся на Будапештской и Кикиндской ее конференциях 1884 г. Именно Нико Максимович был главным организатором, политическим и идейным вождем той группы политиков — будущих «нотабилитетов», которая на этих форумах открыто воспротивилась быломu непреложному догмату «бечкерекских либералов» — отказу от австро-венгерского Соглашения 1867 г. и изменила данный пункт партийной программы.

²⁵ Цит. по: *Микавица Д.* Михайло Полит-Десанчић... С. 254.

Тем самым, изначальный конфликт в партии, после десятилетних неудачных попыток хоть как-то его притушить завершился логичным финалом. Физически и психически сломленный Милетич в 1883 г. удалился из политики, и Максимович, годами интриговавший против него, осознал, что, наконец-то, наступил тот долгожданный момент, когда он может публично выйти на политическую авансцену и выступить перед сербской общественностью с собственной программой.

Итак, в марте 1884 г. в Будапеште была озвучена, а затем, месяц спустя, в Великой Кикинде получила массовое одобрение (отчего и вошла в историю идей под именем Кикиндской или Великокикиндской) новая программа. Она состояла из четырех пунктов, главным из которых являлся первый: «Опираясь на закон 1867 г. (т. е. на Соглашение о дуализации Австрийской империи. — А. III.) и проникшись патриотическим духом, сербы как лояльные венгерские граждане вкупе с остальными жителями этой страны будут всячески содействовать тому, чтобы Венгерское государство всесторонне развивалось и усиливалось, что, в свою очередь, способствовало бы достижению общего благосостояния и процветания»²⁶. В рамках же проявленного «верноподданничества» соратники Н. Максимовича, считая вредным тратить народные силы в неравной борьбе с Веной и Будапештом, стремились лишь «санировать» Законы о равноправии национальностей и о сербской народно-церковной автономии от 1868 г., т. е. вернуть им изначальный юридический смысл. Ведь не секрет, что в условиях определенной стабилизации системы дуализма, мажоритарные власти начали (явочным порядком) последовательно сужать права сербов и остальных нацменьшинств, «гарантированные» этими документами в момент их принятия²⁷. Таким образом, главной своей целью Максимович и К^о провозгласили политико-правовую «реставрацию» тех законодательных актов, которые для авторов Бечкерекской программы были неприемлемы в принципе...

Еще до того, как сербские «нотабилитеты» потребовали внесения изменений в Бечкерекскую программу, на предвыборном митинге СНСП в Нови-Саде (апрель 1881 г.) выступил Яша

²⁶ Крестич В., Љушић Р. Програми и статути... С. 151.

²⁷ Там же. С. 151–152.

Томич — представитель так называемой Новой оmlадины — с предложением дополнить ее «вопросом о хлебе». В ответ Светозар Милетич от имени руководства партии заявил, что в выступлении Томича проглядывает социалистическое стремление к изменению социальной системы, с чем СНСП согласиться никак не может, действуя в рамках «существующего общественного строя» и в демократическом духе, а потому и не желает, подобно социалистам, менять сложившийся порядок²⁸.

Речь Томича на митинге в Нови-Саде еще раз и наглядно показала, что СНСП уже не являлась единой организацией, а Бечкерекская программа перестала соответствовать той пестроте социальной базы, что на заре (взлете) деятельности объявлялась ее крупным достоинством. Как видим, время прошло, и достоинство трансформировалось в недостаток. Жизнь требовала более четкого идейного профилирования (основанного на более органичной внутренней консолидации) сербских политических организаций в Венгрии. Вот и Яша Томич, полупрезрительно названный Милетичем социалистом, произнес свое слово в Нови-Саде отнюдь не как сторонник изменения существующего строя, но за его радикальное реформирование. То был своего рода анонс политики, которой он будет следовать в качестве ключевой фигуры будущей Народной радикальной партии.

Как только группа «нотабилитетов» в 1884 г. решила подвергнуть ревизии Бечкерекскую программу, отказавшись от государственно-правовой оппозиции Соглашению 1867 г., Новая оmlадина во главе с Томичем и Лазой Нанчичем вступила в открытую полемику с ревизионистами. Томич вел ее через новисадскую газету «Српско коло», а Нанчич — через «Српство» (г. Вршац). Великокикиндскую программу Томич оценил как «политическое покушение, совершенное нотабилитетами на СНСП». Его собственный орган, как он полагал, должен был следовать «основным мыслям Бечкерекской программы, каковая в ряде своих положений может быть дополнена и изменена»²⁹. И Лаза Нанчич после того, как оппоненты выразили готовность сблизиться с венгерскими властями, решительно выступил в своей газете против, заявив, что такой их поступок грозит постепенной политической капитуляцией сербов и окончательной потерей

²⁸ *Крестич В.* Срби у Угарској... С. 408.

²⁹ Там же. С. 409.

завоеванных ранее национальных прав. С другой стороны, считая всех противников Бечкерекской программы «врагами сербского народа», он и его соратники (из группы вршацких социалистов) вошли в жесткий клинч и с клерикал-консерваторами, которые называли их анархистами, разбойниками и даже террористами.

Итак, в 1884 г., когда «нотабилитеты» открыто вышли на политическую арену, озвучив в Кикинде свою программу, стало очевидно, что время, «отпущенное» историей для существования «единой» СНСП окончательно истекло. И действительно, в ней уже сложились три направления: правое, представленное «нотабилитетами»; левое, в лице Новой омолодины; и так называемый либеральный центр. Правые в Великокикиндской программе высказались за прекращение государственно-правовой оппозиции, большую умеренность и сотрудничество с центральной властью. Левые выступали за продолжение антидуалистической оппозиционной политики, предлагая при этом дополнить Бечкерекскую программу социально-экономическими вопросами — эти главные тезисы и легли в основу будущей программы Народной радикальной партии³⁰. Либеральный центр позиционировал себя как последовательный продолжатель ее канонических традиций, отрестившись и от правых, и от левых. Первых он осуждал как капитулянтов и консерваторов. Вторых — как социалистов и революционеров.

Все три течения начали беспощадную междоусобную войну, целью которой было полное политическое *уничтожение* противника, поэтому в ней и не выбирались слова и выражения, а личные оскорбления звучали со всех сторон. Непримируемость и ненависть становились характерными чертами момента. В этой «войне» (в ходе которой либеральный центр и левые иногда тактически объединялись) «нотабилитеты» потерпели поражение. Они так и не смогли консолидировать свою партию, но их идеи, заложенные в Великокикиндской программе, как уже говорилось, в качестве одной из возможных опций политического развития сербов в Венгрии сохраняли свое значение вплоть до начала Первой мировой войны.

В рамках начавшегося внутрисербского конфликта предводимые Я. Томичем левяки смогли овладеть «Заставой», которой до этого руководили правые. В 1884 г. Томич женился на дочери Светозара

³⁰ Ракић Л. Радикална странка у Војводини. Нови Сад, 1983. С. 7.

Милетича Милице и уже в начале 1885 г. (словно получив приданое) стал редактором «Заставы». Уязвленные тем, что не смогли взять ее в свои руки, либералы буквально набросились на Томича и Нанчица, обвинив их в нигилизме, социализме и даже коммунизме. Чтобы иметь возможность для борьбы, они в октябре того же года основали свой печатный орган — «Браник». Между «Заставой» и «Браником» развернулась настоящая битва. Во главе первой газеты стоял Яша Томич, вторую возглавил Миша Димитриевич.

Новая «Застава» выражала интересы сербских ремесленников и мелких торговцев, низших служащих и грамотных сельских жителей, а также «разночинской» интеллигенции, происходившей из крестьян и городских низов и состоявшей, в основном, из молодых адвокатов и студентов. Более обеспеченные гражданские слои — интеллектуалы уровня профессуры, состоятельные землевладельцы, банкиры, оптовики, дипломированные врачи и т. д. — консолидировались вокруг «Браника», который имел весьма ограниченный круг читателей из «лучших сербских кругов», и потому, в отличие от «Заставы», в широких народных массах не пользовался большим влиянием.

Социальные различия подписчиков «Заставы» и «Браника» явились причиной их глубоких идеологических расхождений — сторонники власти «толпы» (в чем либералы обвиняли левых) буквально «сцепились» с проводниками политики «господ». Они боролись за власть и влияние на церковно-народных соборах, в органах церковно-школьной автономии, всех иных структурах, где бился пульс политической жизни сербского сообщества в Венгрии. Эта борьба, продолжавшаяся почти три десятилетия, нередко приобретала грубально-личный характер, постепенно отравляя сербский социум изнутри, разъедая и ослабляя его. «“Застава” и “Браник”, — пишет академик Крестич, — как и их редакторы, Томич и Димитриевич, оказались сеятелями этого опасного и вредного партизанства»³¹.

После трехлетних внутренних трений, начиная с Кикиндского «демарша» «нотабилитетов», СНСП окончательно распалась. Раскол произошел в 1887 г. на конгрессе в Сент-Томаше (ныне город Сербобран в Бачке), где сторонники «Заставы» и «Браника» так и не смогли договориться. И вскоре после этого возникли две партии. Первые основали Народную радикальную партию (Яша Томич поддерживал

³¹ *Крестич В.* Срби у Угарској... С. 413.

тесные связи с Народной радикальной партией Сербии, являясь близким другом ее лидера Николы Пашича; одно время он даже состоял в редакции печатного органа сербских радикалов — газеты «Самоуправа», вторые — Либеральную партию. Во главе радикалов стоял Томич, либералов возглавил Миша Димитриевич.

С конституированием новых организаций старые склоки отнюдь не угасли, но лишь разгорелись с новой силой. Ситуация начала выходить из-под контроля. Назревала гроза, и она не замедлила разразиться 4 января 1890 г., когда на перроне вокзала в Нови-Саде Яша Томич ударом ножа в грудь убил Мишу Димитриевича. Убийство стало последствием унижений и оскорблений (вплоть до грубого, кое-где даже подлого вмешательства в личную жизнь), которым «Браник» постоянно подвергал Томича и его супругу Милицу. Взбешенный вождь радикалов вызвал Димитриевича на дуэль, но, тот, как это обычно бывает в среде «интеллигентов», драться отказался. И все же, как говорится, от судьбы не уйдешь...

Увы, но и после случившегося страсти не улеглись. Внутренний раскол и нетерпимость снова усугубились. Одни обвиняли Яшу, оплакивая Мишу; другие, наоборот, полагали, что это Миша, спровоцировав Яшу, получил по заслугам. Взаимная «пикировка», ни на миг не затухая, продолжалась до начала Первой мировой войны. А Томич, шесть лет просидевший в тюрьме, хоть и остался по выходе на свободу реальным лидером партии, однако, по причине совершенного убийства, не имел права быть ее формальным председателем, будучи лишь членом ЦК и редактором «Заставы».

Трагедия в Нови-Саде не только закончилась гибелью Димитриевича и нанесла немалый ущерб как Радикальной партии, так и лично Томичу, но и стала подлинным бедствием для всех венгерских сербов. Она еще глубже расколола сербское сообщество. И это тогда, когда мадьярские власти, усилив давление на нацменьшинства, перешли к решительному сокращению полномочий сербской народно-церковной автономии. Таким образом, после политики наступательных действий эпохи Светозара Милетича сербское население Баната, Бачки и Бараньи оказалось в глухой обороне. Именно поэтому с начала XX в. роль главных защитников коллективных прав и интересов всех сербов Транслейтании переходит к сербам хорватским³².

³² *Pribićević S. Diktatura kralja Aleksandra. Beograd, 1953. S. 12–13.*

Добавим, что после смерти М. Димитриеви́ча Либеральную партию возглавил Михайло Полит-Десанчич. Он также взял на себя редактирование «Браника», где до самого 1914 г. его слово оставалось решающим.

* * *

А тем временем, на рубеже XIX–XX в. в южной Венгрии «выросло» новое поколение сербских интеллектуалов, чьи взгляды на национальное развитие сербов Транслейтании заметно отличались от позиций ведущих политиков. Погрязнув в междоусобицах и ставя во главу своих стратегий сугубо партийные, а не общенациональные интересы, старые вожди уже не могли служить образцом для молодежи, подвергавшей их смелой публичной критике.

Известно, что сербское сообщество в Венгрии переживало в конце XIX — начале XX в. серьезный экономический кризис, в результате чего гораздо слабее, чем раньше, откликалось на актуальные политические вызовы; и это в то время, когда центральные власти постоянно усиливали прессинг мадьяризации в отношении нацменьшинств. В такой ситуации, обеспокоившись общим «минорным» состоянием соотечественников и желая предложить новые пути национального развития, чтобы «остановить сербский декаданс в Воеводине», в 1906 г. в Великой Кикинде оформилась группа единомышленников во главе с братьями Милутином и Васой Якшичами. В апреле 1907 г. они основали газету «Српски глас», презентуя ее как «орган независимых сербов» — «независимых от всех, в том числе и от наших политических партий». Идейное направление нового органа изложил Милутин Якшич.

Если оценивать его в целом, то программа сгруппировавшихся вокруг газеты кикиндских интеллектуалов звучала свежо и по-новому. По сути своей радикально-прогрессивная, особенно в той части, где говорилось о социальных и экономических требованиях, она носила подлинно демократический характер, пропагандируя союз всех демократов Венгрии. Однако, в этом внешне эффектном положении крылась ее немалая слабость, что и проявилось всего несколько лет спустя. Ведь, хотя демократы в Венгрии, несомненно, существовали, они были крайне немощны, чтобы преобразовать аристократическую Транслейтанию на демократических началах, и потому молодые кикиндцы объективно способствовали не разрушению, но консервации

тех социально-государственных рамок, в которых они сами и проживали, что свидетельствовало о все большем конформизме сербского сообщества в Венгрии и его готовности приспособливаться к существующему положению — в ущерб борьбе за национальное освобождение. Впрочем, такая позиция вполне объяснима, особенно если иметь в виду, что Австро-Венгрия во время появления газеты «Српского гласа» переживала свой последний триумф, аннексировав Боснию и Герцеговину и доказав как свою силу (во многом эфемерную без поддержки Германии), так и бессилие Сербии и всего сербского национального корпуса, оказавшегося на тот момент не в состоянии ей противостоять.

В июле 1908 г. в Нови-Бечее кикиндские демократы собрали конференцию, на которой приняли проект программы Сербской демократической партии³³, однако процесс формирования новой организации, в чем, собственно говоря, и состояла сверхзадача форума, им завершить не удалось. В первую очередь, по причине резкого, вследствие аннексии, обострения отношений Вены с Белградом, в результате чего венгерские сербы (как и хорватские, и приморские) оказались под усиленным контролем властей, и соответственно, вопрос об их политической самоорганизации откладывался на неопределенное время. «Српски глас» констатировал, что сербские демократы в Венгрии не в состоянии формально конституироваться как политическая партия «из-за негативных обстоятельств». Однако, эти «негативные обстоятельства» привносились не только извне — в среде самих демократов начались разброд и шатания. Аннексия и прокатившиеся вслед за ней судебные процессы над сербами, ложно обвиненными в государственной измене, привели к росту «капитулянтских» настроений у руководства кикиндских демократов, чей лидер Милутин Якшич вкупе с другим некогда влиятельным членом движения Тихомиром Остоичем практически отстранился от какой бы то ни было практической деятельности.

На этом «пораженческом» фоне еще более выросло значение газеты «Српски глас», во главе которого стоял Васа Якшич. В феврале 1910 г. объединявшиеся вокруг него сербы-демократы попытались в очередной (и, как оказалось, в последний) раз оформить Демократическую партию, но снова потерпели неудачу. Объясняя

³³ См.: *Крестич В., Љушич Р.* Программы и статуты... С. 401–402.

ее причины, «Српски глас» отметил, что молодежь, на которую он предполагал опереться, оказалась не в состоянии принять новые демократические принципы, ибо в прошедших дискуссиях она сильнее, чем можно было ожидать, выразила свои консервативные взгляды, а также связь с традицией и прошлым. «В таких условиях дело организации Сербской демократической партии не могло завершиться успехом»³⁴, — с сожалением резюмировала газета.

Но не только идеологические расхождения помешали партии конституироваться. Тактические вопросы, главным из которых являлось отношение к новому венгерскому правительству Карла Куэна-Хедервари, привели к тому, что участники конференции не только разъехались, так и не выполнив задачу политической консолидации, но и внутренне раскололись. Так, группа из Сомбора, объединявшаяся вокруг газеты «Слога», вовсе не собиралась, как кикиндцы, бороться против политики Куэна, не исключая в отдельных случаях даже возможности сотрудничества с ним. По той же причине «Српски глас» разошелся и с «Србобраном» из Загреба, с коим ранее тесно сотрудничал... Потерпев очередное фиаско в деле организации партии, кикиндские демократы (и до того значительно ослабленные) так и остались аморфным сообществом нескольких политических групп, из которых самые многочисленные находились в Кикинде, Нови-Саде и Панчево.

Наряду с неудавшейся попыткой политической самоорганизации, кикиндцы определили собственное отношение к уже имевшимся сербским партиям. Главный критический пафос своей публицистики они направляли против радикалов Яши Томича, чью политику называли «враждебной отравой», с которой следовало бороться всеми средствами. Критиковали они и либералов Полит-Десанчича, считая их позицию реакционной и отсталой, но не внося в дискуссии с «Браником» той доходившей до прямых выпадов нетерпимости, что практиковалась в диалоге с «Заставой». Казалось, демократы не забыли, как в юности шли за Полит-Десанчичем и публиковали в его газете свои первые статьи. Да и сам он нередко вел себя с ними как ментор с непослушными учениками, упрекая их в «Бранике» за то, что они, «сами того не желая, поддерживают ту государственную политику, которая противоречит преданиям сербского народа»³⁵.

³⁴ *Крестућ В.* Срби у Угарској... С. 425.

³⁵ *Микавица Д.* Михаило Полит-Десанчић... С. 311.

Кстати, в отношении к венгерским партиям и их программам кикиндцы и далее исходили из убеждения, что свои права сербы могут обеспечить только в свободной и демократической Венгрии, почему и выступали против политического всевластия мадьярской земельной аристократии, сближаясь в своих взглядах с лидером и идеологом гражданско-радикального направления Оскаром Яси. Поэтому неудивительно, что на страницах «Српского гласа» довольно часто появлялись материалы из известного оппозиционного журнала «Huszadik Század», в котором сотрудничали и развивали свои мысли как сам Яси, так и его соратники. Разделяя их основные посылы и преломляя оные в призме сербских национальных задач, кикиндские демократы надеялись, что при тесном сотрудничестве с венгерскими левыми (в том числе в их борьбе за полную независимость от Вены) когда-нибудь все же удастся реформировать политически-архаичную Транслейтанию. Стремясь к этой цели, «Голос сербов» провозгласил лозунг: «Быть демократом — значит опираться на принцип: мне более близок мадьяр-демократ, чем серб-аристократ...»³⁶.

Газета кикиндских демократов выходила до апреля 1913 г., когда внезапно скончался ее главный редактор Васа Якшич. С его уходом «Српски глас» навсегда умолк. Впрочем, дело здесь не только в смерти «рулевого»: в своем прежнем виде он и без того лишился перспектив, поскольку демократическая программа, озвученная во время аннексии Боснии и Герцеговины (т.е. в эпоху общенационального сербского «минора»), была преодолена самим ходом событий, а именно — впечатляющими победами Сербии в Балканских войнах. В новых условиях, когда взоры всего сербского сообщества Венгрии устремились в сторону Белграда, от которого теперь ожидалось освобождение, былая опция демократического сожительства сербов и мадьяр «под одной крышей» стремительно теряла привлекательность. Вместо нее (чем дальше — тем громче) начинала звучать идея радикального национально-политического «размежевания» обоих народов. Таким образом, успешная, на первый взгляд, аннексия в конечном итоге оказалась для Вены и Будапешта воистину «пирровой победой».

Соответственно, и время самих кикиндцев уходило в прошлое, с мыслью о чем они быстро освоились и вполне согласились,

³⁶ *Крестућ В.* Срби у Угарској... С. 429.

отказавшись продолжать политическую деятельность (под старыми лозунгами) в ситуации, качественно отличной от той, что складывалась в Венгрии, когда «Српски глас» только начинал свою борьбу. Наступало время радикалов...

Особую роль в деле пропаганды в сербском сообществе Венгрии достижений соотечественников-сербянцев в 1912–1913 гг. сыграл неформальный лидер Радикальной партии и редактор «Заставы» Яша Томич. Как только Сербия объявила мобилизацию, он тут же оказался в Белграде в качестве военного корреспондента. Посетив все важнейшие фронты обеих Балканских войн, не обходя стороной и передовые позиции, где был однажды даже ранен в ногу, Томич не только слал многочисленные корреспонденции с полей боев в «Заставу», но и весьма оперативно написал три книги: «Война на Косово и в Старой Сербии в 1912 г.», «Война в Албании и под Скутари в 1912 г.», «Война в Македонии и Болгарии». Каждая вышла невиданным прежде тиражом в 15 тыс. экземпляров, что свидетельствовало о высочайшем интересе читателей. Да и вообще, его эмоциональные, проникнутые воодушевлением репортажи с переднего края пользовались огромным успехом у сербов-пречан. Крестьяне даже прерывали полевые работы, собираясь в группы, чтобы прочитать вслух только что доставленный свежий номер газеты.

Своими книгами и многочисленными статьями в «Заставе» Томич пробудил надежды в сербах Венгрии, что Сербское королевство будет в состоянии разрешить и их национальный вопрос, что Австро-Венгрия, подобно Турции, в недалеком будущем потерпит поражение. Его яркие рассказы о Балканских войнах и сербских победах над турками и болгарами буквально взорвали пассивную и запуганную пречанскую массу, обострили ее национально-патриотические чувства и эмоционально приблизили к ней Сербию, как бы разрушив тем самым границы по Саве и Дунаю³⁷.

³⁷ Показательная картина настроений, царивших в Воеводине накануне Первой мировой войны, содержится в мемуарах сербского (пречанского) общественного деятеля Тривы Милитара: «После блестящих побед Сербии в Балканской и Болгарской войнах наша пречанская молодежь и националисты были готовы выскочить из собственных штанов от радости и воодушевления. Позиция многих “лоялистов” и “умеренных” элементов были сильно поколеблены, а для шпионов всех мастей объем “работы” резко возрос. За всяким нашим человеком велась слежка, никому из нас веры больше не было <...>. Атмосфера в стране становилась все более удушливой. Австро-Венгрия занималась провокациями и готовилась к войне. А после сараевского покушения

Эта активная пропагандистская деятельность Я. Томича во многом способствовала быстрому и успешному объединению Воеводины с Сербией в 1918 г.

2. Хорватия и Славония, Далмация, Военная граница

Государственное устройство Австро-Венгерской империи, закрепленное в Соглашении 1867 г., было дуалистическим, но сербы, как уже говорилось, оказались разделенными на четыре части. За входившим в состав исторической Венгрии королевством Хорватии и Славонии Пешт (по мадыро-хорватскому Договору 1868 г.) признавал некоторую автономию — как во внутренних делах, так и в функционировании судебной и школьной систем. В нем также не применялся венгерский закон о народностях 1868 г., да и вообще мадыризация, столь широко задействованная в Воеводине, практически не касалась сербов Хорватии и Славонии, Далмации, Военной Границы³⁸. «Хотя и скромные, но все же реально существовавшие учреждения хорватской политической автономии <...>, — пишет историк из Загреба, — представляли собой щит, который хорватское национальное движение выставляло против распространения понятия венгерской “политической нации” на Хорватию. Они были фундаментом, на котором во второй половине XIX в. выстраивалось понятие “хорватская политическая нация”»³⁹. Суть данного понятия в основном идентично трактовалась как Народной партией (НП) Иосипа Юрая Штроссмайера и Франьо Рачки (народниками), так и Партией права (ПП) Анте Старчевича и Эвгена Кватерника (правашами). Соответственно, «хорватская нация представлялась носителем суверенитета Триединого королевства Хорватии,

военные приготовления велись уже открыто. Нам откровенно внушалось, что ожидается решающее столкновение и война на истребление. Мы же, между тем, в надежде на Россию, лезли на рожон и делали все назло. Мы осознавали, что война неизбежна, но были убеждены, что Россия придет на помощь Сербии, а Антанта в конечном счете победит. Каждый наш человек, от интеллигента до селяка, встретил Мировую войну с этой уверенностью» (*Милитар Т*. Из позадине. Записи из Светског рата. Нови Сад, 2015. С. 29, 30–31).

³⁸ Кузьмичева Л.В. Национально-политические проблемы сербов Воеводины... С. 92.

³⁹ Станчич Н. Хорватская нация и национализм на рубеже XIX–XX веков // Австро-Венгрия, Центральная Европа и Балканы (XI–XX вв.). СПб., 2011. С. 215.

Сведения об авторах

Аникеев Анатолий Семенович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Белов Михаил Валерьевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Ганин Андрей Владиславович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Гусев Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института славяноведения РАН.

Куренная Наталия Михайловна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Лобачева Юлия Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Морохин Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средневековых цивилизаций Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского / научный сотрудник Центра истории феодализма Института российской истории РАН.

Никифоров Константин Владимирович — доктор исторических наук, профессор, директор Института славяноведения РАН.

Пилько Надежда Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Серапионова Елена Павловна — доктор исторических наук, заведующая отделом Института славяноведения РАН.

Силкин Александр Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Случ Сергей Зиновьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Станков Николай Николаевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Тимофеев Алексей Юрьевич — доктор исторических наук, профессор, Отделение истории Философского факультета Белградского университета / Институт новейшей истории Сербии.

Хаванова Ольга Владимировна — доктор исторических наук, профессор РАН, заместитель директора Института славяноведения РАН.

Хлебникова Варвара Борисовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова.

Шемякин Андрей Леонидович (1960–2018) — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Энгельгардт Георгий Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Коллективный труд посвящен памяти сотрудника Института славяноведения РАН Андрея Леонидовича Шемякина (1960–2018). В работах рассмотрены вопросы истории славянских народов и России в XVIII–XXI вв., а также научный вклад А. Л. Шемякина. Авторами выступили сотрудники Института славяноведения РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского и Института новейшей истории Сербии (Белград). Книга продолжает инициированный А. Л. Шемякиным научный проект «Человек на Балканах» (2002–2016), в фокусе которого находился процесс модернизации на Балканах в Новое время (после 1878 г.).

ISBN 978-5-4469-1772-3

9 785446 917723